
Автор представлен членом Художественного совета **Евгенией Барановой**

Два паренька спасали инвалида –
он в доме загорелся – закурил.
Окно разбили; голосила рында,
вонючий дым на улицу валил,
бежали бабы, подавали вёдра,
огонь прибили – стали скарб таскать.
А инвалид всё повторял уперто:
– Имею право, суки, вашу мать...
И пальцами, еще в золе и гари,
еще одну из пачки доставал.
Два паренька друг друга поливали
водой, и пар валил, и клен кивал,
и солнце шло вперед по виднокраю,
и воробьишки подняли галдеж...

Мне кажется, что я тебя спасаю,
а ты горишь и пьешь,
горишь и пьешь.

Не могу вспоминать о тебе с добром
о мужчине с выломанным ребром,
от которого я не произошла –
отломилась щепочкой и пошла,
отломилась остро и далеко –
костяной, как остов, белеет скол,
зуб, который я на тебя держу,
на того, кто выучил «жить» и «жуть»
рифмовать, и складывать, и делить,
до горелой стружки себя пилить,
падать, как застреленной, на постель,
чаять сердце тщетнейшей из потерь –
сердцу не положено быть в кости!
Не забудь и ты меня, не прости,
добела обглоданную, дотла...
Потому что я от тебя была.

Спасибо заводу за занятость и зарплату,
тебе – за ладонь, протянутую вчера.
Согласно безошибочному Росстату,
я – служащая (кому?), а мой городок – дыра,
какая-то точка между валдайских горок,
где жизнь идет по дороге до проходной,
где мне исполнится (страшно подумать!) сорок
при полном отсутствии базиса за спиной
и при нежелании приобретать форд-фокус.
Держала бы крепче рука твоя – это да...
И если однажды я перегорю и тронусь,
никто не заметит этого никогда.

Ни этот высокочастотный
звук заунывный заводской,
ни светло-серый облак плотный,
летащий над моей башкой,
ни ночь, ни улица, ни всё, что
однажды видел пьяный Блок,
отобразить не может точно
наш молчаливый диалог.
Но ты, на час доверив шагу
тверские синие края,
садишься с ручкой за бумагу.
И я.

В. П.
Мы это видели вдвоем
из разных городов, а впрочем
невзрачен так же оком,
подзвученный гудком рабочим

и над тобой, и надо мной,
синеют облачные гроздья.
Промзоны короб жестяной -
здесь люди, крепкие как гвозди,

что от звонка и до звонка
ишачат, чтобы вдруг не спиться
и называют ЖСК,
как европейские столицы,

стесняясь мира и труда,
висящего чугунным грузом.
И Ленин шлет нас вникуда
помятым гипсовым картузом.

Мне не дышится поутру,
будто я захлебнулся днем.
– Доктор, что теперь? Я умру?
– Не волнуйтесь, мы все умрем.
Вот, держите: сюда, в карман
бурый желудь, и пусть лежит.
И не надо сходить с ума.
Все умрут. Так давайте
жить.